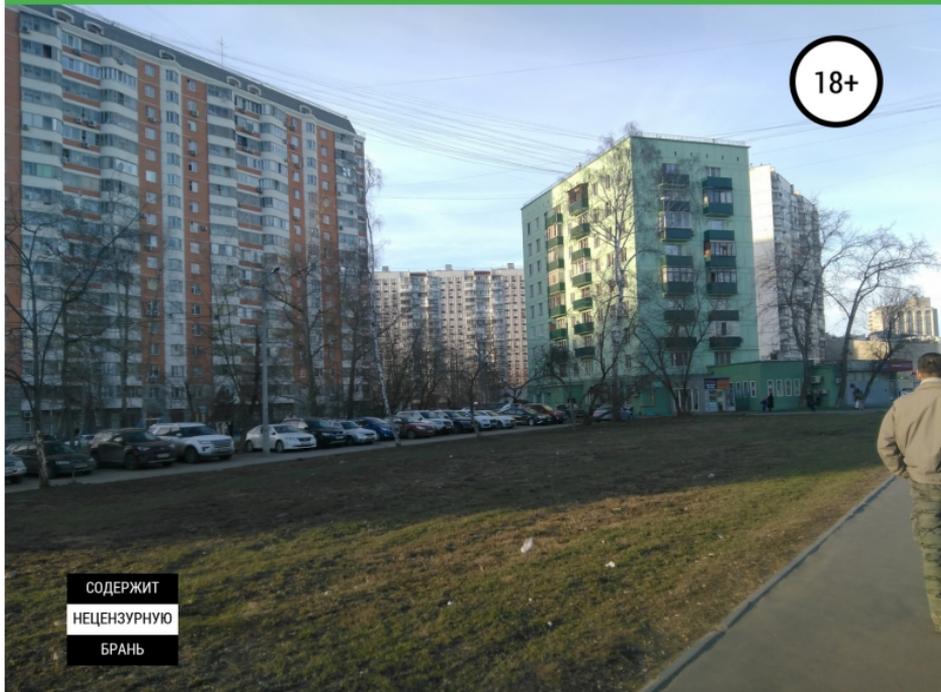

Степан Автономов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНЮЮ
БРАНЬ

Кузьмичи

Пьеса

Степан Автономов

Кузьмичи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43452951

SelfPub; 2019

Аннотация

Два пенсионера охранника-вахтовика не могут выехать на работу в столицу. Один отравился боярышником, второй заболел. Их заменить собираются два молодых парня Костя и Гоша. Содержит нецензурную брань.

Степан Автономов

Кузьмичи

Пьеса в трёх действиях

Действующие лица

Костя – 22 года, рабочий свинофермы

Гоша (Игорь) – 22 года, тракторист в совхозе

Дядя Парфён (Парфён Михалыч) – 52 года, сосед Ко-

сти

Сергей Иванович – 45 лет, отец Кости

Галина – 43 года, мама Кости

Владимир Борисович Гуров – 44 года начальник охра-

ны

Федосеич – 57 лет, завхоз

Дед – 77 лет

Анфиса – 26 лет, медсестра

Берта Григорьевна – 66 лет, заведующая отделением

Грезин – 49 лет, депутат

Громов Иван – «ветеран» боевых действий 54 года

Катя – 20 лет

Кирилл – 21 год

Медсестра – 24 года

Курьер – 18 лет

Решетов – майор, 39 лет

Больной – 39 лет

Лейтенант – 26 лет

Первый здоровяк – 33 года

Второй здоровяк – 30 лет

Действие первое

Посреди сцены стол уставлен простой деревенской едой и мутной бутылкой самогонки. Сзади декорация в виде бревенчатой стены избы. Справа открытая дверь, посредине на стене висит плазма, слева окно, на подоконнике горшок с геранью. За столом сидит Сергей Иванович, что-то жуёт. В дверь заходит Парфён Михалыч. Его замечает Сергей Иванович. Где-то играет балалайка.

Сергей Иванович. А, Парфён Михалыч, сосед дорогой. Это ты. Тут как тут, как всегда, когда что-то у нас намечается.

Парфён Михалыч. Я чисто случайно, Сергей Иванович, подумал заглянуть к вам на огонёк.

Сергей Иванович. Ну, конечно, конечно. Кто бы сомневался.

Парфён Михалыч. По какому поводу праздник?

Сергей Иванович. А зачем нам повод?

Парфён Михалыч. Действительно.

Парфён стал у стола, жадно глотает слюни, глядя на самогон. Сергей Иванович иронично смотрит на него. Слева выходит Галина, несёт кастрюлю с картошкой на стол.

Галина. Парфён? Какими судьбами?

Парфён Михалыч. Да вот случайно зашёл на огонёк, без задней мысли.

Сергей Иванович. Кто бы сомневался.

Галина. Раз зашёл, садись. В ногах правды нет.

Парфён Михалыч. Спасибо, Галочка.

Садится на табурет.

Галина. А ты не слыхал, Парфён, что наши пенсионеры-вахтовики Фёдор Григорич и Андрей Саныч учудили?

Парфён Михалыч. Не слыхивал.

Галина. Григорич отравился боярышником и занемог сильно, сильно да не до смерти. Откачали его. Сейчас бабка евовная Степановна отходит его. А Саныч на рыбалке простудил лёгкие, так что его в больницу спровадили. В его-то возрасте и лихачить по рыбалкам. Надо головой думать. Так вот. Мы порешили, что на их место в Москву поедут наш Костька и племянник Серёжин Гошка. По этому поводу и собрали стол. Завтра отъезжают наши соколики, а вернее в ночь в три часа отчаливают на автобусе первом московском.

Парфён Михалыч. Эка. В Москву! Охранниками! Так там нашим пенсионерам говаривают большие тыщи платили.

Галина. Восемнадцать тысяч.

Парфён Михалыч. Ого!

Галина. Так вот.

Сергей Иванович. Эка невидаль. И чего не живётся оборотам в родном совхозе! Надо родную землю поднимать, а не шастать по столицам. Где родился там и сгодился.

Сергей Иванович стучит кулаком по столу.

Галина. Ты отец у нас совсем не про современность. Тебе

бы в пещеры к этим неандертальцам. Ты бы там за своего сошёл бы легко. А ребятам надо вставать на ноги, денежку заколачивать, на будущее откладывать. Я благословила сына на Москву. Пусть найдёт счастье, раз нам мало его было.

Сергей Иванович. Не гневи бога, Галина! Ты ль совсем что ли с ума сбрендила. С чего это ты такая несчастная вдруг оказалась?

Галина присаживается за стол. Разливает самогон по рюмкам.

Галина. Я то ль?

Сергей Иванович. Ты то ль.

Галина. А что я видела в этой жизни? Свиноферма. Коровник. Работа по дому. Подъём с рассветом, ложишься с закатом. Это ль жизнь? А ты посмотри в телевизоре, как люди в городе живут.

Сергей Иванович. Вот! Всё зло от этого телевизора! Насмотрятся всякой ерунды и мысли начинают в голову дурацкие лезть.

Выпивает. За ним аккуратно выпивают Парфён и Галина.

Галина. Что ж ты хочешь, чтоб твоя родная кровинушка прожил тут всю жизнь, промаялся, как мы горемычные? А в городе, тем паче в Москве хоть какие перспективы для нормальной жизни. Скажи, Парфён?

Парфён Михалыч. Действительно. Не современно мыслишь, Сергей. Москва – это сила. Там и деньги все и возможности. Глядишь, твой Костя большим человеком станет.

Сергей Иванович. Это где? В охране-то? Не смеди людей, Парфён.

Парфён Михалыч. Ну охрана – это может быть только начало будет, а там вырастет до кого-то ещё более значительного. Тепереча все стремятся в Москву.

Сергей Иванович. Ага, разгонять тоску. Эх, до чего мы дожили. А помнишь, Парфён, какая раньше тут жизнь была?

Парфён Михалыч. Да, что старое-то ворошить. Надобно жить нынешним днём, а не воспоминаниями о прекрасном прошлом. Ты-то и не застал почти советских времён.

Сергей Иванович. Ещё как застал. Это же молодость моя. Помнишь, как клуб работал? Как в кино ходили да на танцы по выходным.

Парфён Михалыч. Эка вспомнил. Тех лет и не вернуть уже.

Сергей Иванович. Грустно это. Давай ещё выпьем. Разливает самогон по рюмкам. Выпивают.

Сергей Иванович. Неправильно живём, тоскливо, без надежды; и энергии не стало какой-то положительной. Поговорить не с кем. Все заперлись по своим домам, как по норам попрятались. А раньше народ собирался по праздникам и выходным по причинам и без. Как гуляли-то. Так теперь не могут.

Галина. Да народ бухал не то, что сейчас.

Парфён Михалыч. Без этого наш народ не может. Это его право на отдых и радость.

Сергей Иванович. А теперь-то и отдыхать не от чего. Труда-то толком не стало. Колхозы помирают и мы помрём когда-нибудь.

Парфён Михалыч. Ну, ты завёл панихиду. Надо верить в лучшее. Да помрём и чего. Таков наш удел. Скоро роботы будут всё делать: и на заводах трудиться и поля пахать. Тогда работа и не нужна будет. Люди будут отдыхать с утра до вечера. Тогда начнётся у всех счастливая жизнь.

Галина. Может быть народ снова в деревни потянется, раз работа в городе не нужна будет? В деревне то вольготнее, чем в городской тесноте. И воздух мягче и чище.

Парфён Михалыч. Вот видишь, Сергей. Твоя жёнка даже смышлэней тебя и видит перспективы в будущем. Не надо унывать.

Сергей Иванович. А я чувствую, что ушло моё время. Не быть уже нам счастливыми. Люди стали какие-то злые и закрытые, скучные без размаху. Нет той уже былой бесшабашности и удали. Помнишь, как ходили деревня на деревню. Героизм был.

Парфён Михалыч. Ага с цепям да кольями. Дураков в деревне всегда хватало.

Сергей Иванович. Не понимаешь ты, Парфён, мелкая твоя, жалкая душа суть процесса. Это было не ради драки, а ради укрепления мужской дружбы.

Парфён Михалыч. Не знаю, какое там был укрепление; зато помню, как тебя арматуриной огрели по голове здорово

в Синюхино, так что ты с тех пор стал немного странным, и кажись до сих пор не в полной мере оправился.

Сергей Иванович. Не герой ты, Парфён, не понять тебе этого. Так жили наши прадеды и пращуры. Мужик должен драться!

Стучит кулаком по столу.

Сергей Иванович. Ты, Парфён, всегда был такой: хитрый и скользкий. Не даром говорят, что ты не нашей породы, не русской.

Парфён Михалыч. А какой же?

Сергей Иванович. Не знаю. Молдаванин ты какой-то или того хуже.

Парфён Михалыч. Ну, знаешь, это уже оскорбление.

Галина. Перестаньте ссориться из-за ерунды.

Приходят Костя и Гоша.

Галина. А вот и они, наши гаврики. Садитесь за стол.

Парни садятся за стол. Сергей разливает самогон по рюмкам всем и хватается за свою рюмку.

Галина. За что пьём?

Сергей Иванович. А ни за что. Просто так.

Галина. Не по-людски как-то.

Парфён Михалыч. Действительно.

Сергей Иванович. Ну, гони тост, сосед, раз сел тут поддакивать моей жене.

Парфён Михалыч. Что ж. Предлагаю выпить за молодое поколение, чтобы у него всё получилось и сложилось, лучше,

чем у нас.

Сергей Иванович ухмыляется. Чокаются, выпивают.

Сергей Иванович. Вот ты, Гошка, скажи мне начистоту, на что тебе сдалась эта работа в Москве. Там, что большие барыши вам светят?

Гоша. А то.

Сергей Иванович. Миллионы?

Гоша. Поначалу не миллионы, а там поглядим. Надо в Москве приглядеться, осмотреться по сторонам.

Сергей Иванович. Насмешил (ухмыляется). И не таких обламывала первопрестольная. А вас обломает в два счёта.

Галина. Не каркай.

Парфён Михалыч. Действительно.

Сергей Иванович. Вот увидите.

Гоша (сердито). Не видишь ты, дядя Сергей, в нас перспективы, а напрасно. Вон деды-то работают на вахте и в ус не дуют. Довольны.

Сергей Иванович. То-то же, что деды. Это их финал жизни – это вахта. А вы молодые парни и туда же.

Гоша. Я же объясняю, что это только начало.

Сергей Иванович. И конец.

Галина. Да что ты заладил. Хватит уже тоску нагонять. Ребята стремятся к хорошей жизни.

Сергей Иванович. Да не там её ищут.

Галина. Так предложи что-то другое.

Сергей Иванович. Знал бы – посоветовал.

Парфён Михалыч. Вот видишь, у тебя нет своих идей, так не мешай им набраться опыту.

Гоша. А я признаться давно думал о Москве.

Сергей Иванович. И чего надумал.

Гоша. Просто думал. Представлял, что живу в ней. В квартире с ванной и балконом. Выхожу на балкон, курю, смотрю на смешной народ, копошащийся, вечно куда-то спешащий, и кидаю небрежно вниз бычки. Потом иду в комнату, падаю на диван, включаю пультом телевизор и смотрю интересное кино.

Сергей Иванович. Вот полюбуйтесь – мечты молодёжи: квартира, диван, телевизор. На какие шишы ты купишь квартиру в Москве чудак?

Гоша. Женюсь на москвичке.

Сергей Иванович. Вот чудак. Кому ты там нужен?

Гоша. Да я вроде не дурён собой и характер имею энергичный и боевой. А москвичкам теперь деваться некуда. В Москве же мужиков нормальных почти не осталось – так одни гомосеки или совсем слабенькие не приспособленные к выживанию остались.

Парфён Михалыч. А, что дело парень говорит. Смотри. Ты ему палец в рот не клади. Гошка он парень такой – ловкий. А Костя...

Сергей Иванович. Что Костя?

Парфён Михалыч. Ну, Костя более простой что ли.

Сергей Иванович. Да сын у нас один и тот характер не в

меня пошёл.

Галина. Не трогай дитя, супостат. Он добрый и честный. Такие теперь в дефиците. Гордиться им должно, а не помыкать его напраслиной.

Сергей Иванович. Да кому сейчас нужна эта честность? Не те времена. Не те. Не хочу его пускать в Москву, будь она не ладна.

Галина. Гоша за ним там присмотрит.

Гоша. Присмотрю.

Берёт бутыль и разливает самогон по рюмкам.

Сергей Иванович. Жить можно и в деревне.

Гоша. Ага. Если это можно назвать жизнью.

Сергей Иванович. У тебя же отличная профессия – тракторист. Всегда можно найти калым – кому-то огород перепахать, кому-то навозу привезти.

Гоша. От этого калыма спиться можно. Вместо денег люди расплачиваются самогоном.

Сергей Иванович. А ты требуй деньги.

Гоша. Если их нет у людей, какой смысл что-то требовать.

Сергей Иванович. Самогон продавай дачникам.

Гоша. Жалко. Продавать – это долго искать клиентов. А так выпил сразу и жизнь наладилась.

Сергей Иванович. Наш Костя пашет на свиноферме и не жалуется. И чего его потянуло в Москву?

Костя. Надо попробовать.

Сергей Иванович. Пробовальщик. Попробуй.

Парфён Михалыч. Охрана – это хорошо, не работа, а отдых, сиди себе на стуле, да не пускай посторонних, вот и все дела. Пусть ребят отдохнут от тяжких деревенских трудов.

Сергей Иванович. Это понятно, но всё равно чует у меня сердце неладное, подвох какой-то.

Парфён Михалыч. Какой подвох, Сергей? Охрана – это самое перспективное дело на нынешний день. Не чуешь ты современности и перспективы.

Галина. В самом деле, Серёж, чего ты завёлся?
Разливает самогон по рюмкам. Выпивает без тоста и чоканий.

Сергей Иванович. А такой – Москва она злая, развратная, обманчивая.

Галина. Наслушался баек дедовских.

Парфён Михалыч. Действительно, Серёж, что ты, в самом деле, как старый дед, несёшь какую-то чепуху. Ты сам-то часто бывал в Москве?

Сергей Иванович. Бывал само собой.

Парфён Михалыч. Так-то бывал, но не жил, не работал.

Сергей Иванович. Бывал и видел.

Парфён Михалыч. Что видел-то?

Сергей Иванович. Видел, что это проклятое место с дурной энергетикой.

Парфён Михалыч. Не теми категориями мыслишь, Серёжа. Энергетика всё это старорежимные понятия. Сейчас

молодым надо деньги делать, на ноги вставать. Без денег теперь никуда. Про старые времена забудь. А ты, Костя, что примолк? Сам-то, что думаешь обо всём этом?

Костя. А я чего? Я ничего. Теперь все хотят в Москву. Там и деньги и престиж.

Сергей Иванович. Где ты и где престиж и деньги?

Галина. Не каркай на дитя.

Костя. Пап, ты как будто меня совсем за последнего дурака считаешь?

Сергей Иванович. А кто ты есть? Ты вспомни, как ты в школе учился на одни двойки и тройки.

Костя. Не правда у меня были и четвёрки.

Сергей Иванович. Ага, по труду и физкультуре?

Действие второе

Слева нарисована комната охраны с большим стеклом и надписью на ней «Охрана». Перед ней вертушка, несколько стульев и стол. Правее изображена стена фойе больницы со входом. На стене висят плакаты на медицинскую тему. По сцене ходит Владимир Борисович Гуров – начальник охраны и разговаривает по мобильному телефону.

Гуров. Вадим, ты не представляешь, как я рад тебя слышать. А я как? Да, что я? Открыл новый бизнес. Охрана. Дело, на самом деле, прибыльное, если его с умом вести. Собираюсь расширяться. У меня пока пять объектов. Да ничего не накладно – привозишь из окрестных областей Кузьмичей, сажаешь их на вахту и считаешь прибыль. Этим старпёрам,

пенсионерам много денег не надо, у них же пенсии. Какой от них толк? Конечно, никакого. Это же всё создание видимости. Мы делаем вид, что им платим, они делают вид, что что-то охраняют. А клиенты, что клиенты им главное отчитаться перед вышестоящими организациями, что их кто-то охраняет, на спортсменов у них всё равно денег никогда не хватит. Помнишь, я тебе предлагал тебе в это дело вложиться, а ты всё фыркал? Понимаю, что не твой масштаб, куда нам мелким и средним предпринимателям до тебя. А в личной жизни у меня перемены большие – с Лариской я развёлся. Теперь у меня Даша. Двадцать лет ей. Да и машину новую купил за два ляма. Не в кредит. Не гоню, точно говорю. Я говорю, что дела пошли в гору. Давай, как-нибудь съездим на охоту на Тамбовщину, у меня там есть крутые связи. Такой крутой охоты ты еще не видел. У меня сейчас в корешах глава администрации одного района. Ты стрелял по кабанам когда-нибудь из снайперской винтовки? Нет? Многое потерял в этой жизни. Что, значит, нельзя? Кому-то нельзя, а кому-то можно всё. Ладно, давай, тут пришли ко мне, надо дело одно решить. Потом перезвоню. Рад был услышать тебя.

Слева заходят Костя и Гоша. Гуров подходит к ним.

Гуров. Константин и Игорь?

Парни согласно кивают головами.

Гоша. Да.

Костя. Да.

Гуров. Я Владимир Борисович Гуров – начальник и хо-

зьяин чопа. Где вы так долго бродили? Я уже отпустил смену, стою тут уже семь минут вместо вас.

Гоша. Мы искали дорогу. Нам сначала неправильно подсказали направление.

Гуров. У вас, что в телефонах нет Гугл или Яндекс-карты?

Гоша. Есть. Наверно?

Гуров. Темнота. Ладно. Какие-то молодые вы. Я думал, придут пенсы очередные, мухоморы сморщенные. Форма у вас есть?

Гоша. Нет.

Гуров. Идите в комнату охраны, там в шкафчике в большом чёрном мешке есть форма уволенных мною в прошлом месяце двух алкашей. Одевайтесь.

Парни заходят в комнату охраны. Выходят одетые в чёрную форму охранников. Форма на Гоше значительно больше его размера.

Костя. У меня тут штаны обтруханы прямо в самом непотребном месте.

Показывает рукой в район паха.

Гуров. Ничего возьмишь домой в конце недели, постираешь. Удостоверения-то частных охранников у вас имеются?

Парни отрицательно кивают головами.

Гоша. Нет.

Костя. Нет.

Гуров. Я так и думал. Это минус три тысячи в месяц. Го-

ловой приходится рисковать из-за вас. И ещё предупреждаю сразу о штрафах. Поймаю с телефоном на посту – штраф три тысячи рублей. Увижу пьяным – восемь тысяч. Это в первый раз, в другой раз – увольнение. Сон на посту – четыре тысячи. Уяснили?

Парни согласно кивают головами.

Гоша. Да.

Костя. Да.

Гуров. Паспорта-то у вас есть?

Гоша. Да.

Костя. Да.

Гуров. Давайте сюда.

Парни достают и протягивают Гурову паспорта. Тот их забирает, кладёт во внутренний карман пиджака.

Гуров. У меня побудут до конца недели, то есть смены. Это чтобы вы не смотались. Я вас совсем ещё не знаю. Что касается всего остального, почитайте инструкцию. Она лежит в папке на столе в комнате охраны. Всё, пока. Я могу приехать с проверкой в любой момент. Смотрите у меня.

Уходит.

Костя садится на стул у комнаты охраны. Гоша заходит в комнату охраны, выходит оттуда с папкой и садится на стул за стол рядом с Костей, читает бумаги в папке.

Костя. Чего там?

Гоша. Инструкция.

Костя. Понял чего-нибудь?

Гоша. Не-а. Много всего и мелким шрифтом.

Костя. Ну, хотя бы чего-нибудь?

Гоша. Нельзя посетителей без пропусков с двух до четырёх днём пускать и надо закрывать вход в десять вечера до семи утра. Тут ещё есть образец пропусков медперсонала больницы.

Костя. Страшный он.

Гоша. Кто?

Костя. Этот Гуров.

Гоша. Как любой начальник. По-другому с нами нельзя.

Слева выходит медсестра в курточке. Из-под курточки торчит белый халат. Показывает пропуск Гоше, проходит через вертушку.

Гоша. Девушка.

Медсестра оборачивается к Гоше.

Гоша. Как вас зовут?

Медсестра. Я только что вам пропуск показала – там было написано.

Гоша. Да? Я не успел запомнить.

Медсестра. Я не удивлена.

Уходит в дверь в стене фойе.

Охранники глядят ей вслед.

Костя. Красивая.

Гоша. Злая.

Костя. Как все москвичи.

Охранники достают телефоны, играют в них в игры.

Слева выходит дед, идёт к вертушке.

Гоша. Ты куда, дедушка? Нельзя – тихий час.

Дед останавливается.

Дед. Вот старый дурак. Хотел свою бабушку навестить.

Сколько осталось до конца тихого часа?

Костя. Пятьдесят минут.

Дед садится на стул недалеко от охранников.

Дед. Тут подожду. Можно?

Гоша. Жди.

Охранники возвращаются к своим телефонам.

Дед. А вы часом не костромские?

Гоша. Нет.

Дед. Вижу, что не местные; подумал, что с Костромы. Я сам костромской.

Гоша. Проездом тут?

Дед. Нет, живу здесь.

Гоша. О как. Женился на москвичке?

Дед. Нет.

Гоша. И как тебе удалось прижиться в Москве? Подскажи секрет.

Костя. Умным надо быть?

Дед. Умным? Умом этот город не удивишь и не покоришь. Видали мы этих умников. Тут другое надо. Работать надо.

Гоша. Пахать с утра до вечера, как папа Карло?

Дед. Работать над собой, изживать из себя старые повадки, привычки; да глядеть по сторонам, слушать внимательно,

что люди уважаемые говорят да делают. Учиться жизни, набираться опыта. Москва она для особых людей не для простаков.

Парни снова играют в своих телефонах. Дед сидит сам по себе.

Дед. Кажись время прошло.

Гоша. Да. Иди.

Дед проходит вертушку и останавливается.

Дед. А вы я вижу парни хваткие. Всё у вас должно получиться.

Уходит в дверь в стене фойе.

Пауза.

Из двери в стене фойе выходит Федосеич завхоз больницы, полноватый пожилой мужчина с усами. Садится на стул.

Федосеич. Анафема. Куда катится этот мир? До чего довели страну ироды проклятые? Чтоб им пусто было. Такую страну развалили псы вонючие.

Охранники смотрят на него.

Федосеич. Жизнь потеряла всякий смысл. Живёшь, как по инерции, словно робот, но не человек. Что происходит вокруг, объясните мне? Всякое отребье повывлезало непонятно откуда. Извращенцы, наркоманы, душевнобольные. По улицам ходить стало страшно.

Смотрит на охранников.

Федосеич. Новенькие?

Гоша. Да. Сегодня первый день.

Федосеич. Вместо дедушек?

Костя. Да. Мы из одной деревни.

Федосеич. Я тоже с деревни. В двадцать лет приехал сюда и остался навеки.

Костя. Видно, что вы разумный человек.

Федосеич. Не без того. Меня кстати зовут Иван Федосеич. Я завхоз здешний. Всё меня тут Федосеичем кличут.

Гоша. Я Гоша.

Костя. Константин.

Федосеич. Как приятно пообщаться с настоящими русскими людьми из глубинки.

Уходит в дверь в стене фойе.

Пауза.

Костя зевает.

Костя. Кажись рабочий день подошёл к концу, поспать бы.

Федосеич выходит из двери в фойе, идёт влево к вертушке. В руке его большое пластиковое ведро с чем-то строительным.

Гоша. Федосеич, а это у тебя чего?

Федосеич останавливается, ставит ведро на пол.

Федосеич. Да это остатки краски. Осталось от отделочников не выбрасывать же.

Гоша тревожно смотрит на завхоза.

Федосеич. Понял.

Уходит обратно в дверь в стене фойе.

Возвращается со связкой рулонов дешёвой туалетной бумаги. Вешает связку на шею Гоше.

Федосеич. Так нормально?

Гоша согласно кивает головой.

Федосеич уходит влево с ведром.

Пауза.

Костя. Фу, десять часов. Пора закрывать заведение.

Идёт в комнату охраны.

Гоша потягивается на стуле.

Гоша. Шабаш. День прошёл и слава богу.

Гаснет свет.

Свет снова загорается. Охранники выходят из комнаты охраны, потягиваются.

Гоша. Я бы ещё пару часиков подрых.

Костя. А я бы пяток.

Гоша. Ты можешь и больше.

Костя садится за стол. Гоша на стул рядом с комнатой охраны. Играют в телефонах. Зевают. Справа выходит Грезин в модном пиджаке с галстуком, идёт к вертушке, достаёт удостоверение, показывает Косте.

Костя. До тихого часа ещё час, можете идти так.

Грезин проходит через вертушку, исчезает в двери в стене фойе, потом выходит оттуда, идёт к вертушке, проходит её, останавливается, разворачивается к охранникам.

Грезин. Я, между прочим, депутат.

Костя. Я видел ваше удостоверение.

Грезин. Фёдор Игнатъич Грезин. Неужели вы меня не узнали?

Костя. Нет.

Гоша. Нет.

Грезин. Вы телевизор совсем не смотрите?

Костя. Я редко.

Гоша. Я тоже.

Грезин. Бедные. Правильно, когда вам смотреть телевидение. Вам не до этого. Из провинции?

Гоша. Сто пятьдесят километров от Москвы.

Грезин. Безобразие. Люди ездят на работу на такие сумасшедшие расстояния. Такого нет не в одной нормальной стране. Ну, ничего, ничего. Мы с этим разберёмся. И ведь, что обидно, ребята, из вас же могло получиться что-то путное, полезное. Не совсем же вы пропащие. Вот ты (смотрит на Гошу). Ты бы мог стать прекрасным врачом или инженером, если бы ты родился в большом городе, а не на селе. А ты (смотрит на Костю). В тебе умер прекрасный артист. Есть в тебе что-то такое загадочное, притягательное. Я так и вижу, как ты играешь странных персонажей, не понятых, таких, знаешь с отклонениями, больных и мечущихся по жизни. Твоё лицо просто создано для экрана телевизора. Какая несправедливость, какая жалость. С этим надо что-то делать. Вы, кстати за кого на выборах голосовали?

Охранники пожимают плечами.

Гоша. Мы не голосовали.

Грезин. Вот поэтому всё и происходит у нас в стране наперекосяк. Ленимся, плюём на всё. А потом удивляемся, почему мы так живём. Вам нравится Владимир Масловский?

Гоша. Прикольный чувак.

Грезин. Он не прикольный, он гениальный. Он – спасение России. Голосовать нужно только за него.

Костя. Разве ему что-то светит?

Грезин. Если мы все дружно объединимся и проголосуем за него, то победа будет за нами – победит сама Россия (машет кулаком перед собой). Масловский – это сила. У меня, кстати, идея возникла неожиданно – сделать вас своими помощниками. Когда-нибудь.

Гоша (раскрыв рот). А так можно?

Грезин. Конечно. Только я, к сожалению, свои визитки забыл. В другой раз приду, дам вам свои визитки и созвонимся. Вступите в нашу партию, а там уже все дороги вам будут открыты. Парни, держитесь, я побежал – много важных дел. Да и голосуйте за Масловского.

Уходит.

Охранники копаются в своих телефонах.

Справа выходит курьер с большим ящиком-рюкзаком за спиной. Из двери в стене-фойе выходит медсестра, подходит к курьеру, забирают у него пакеты с едой. Уходит.

Курьер возится со своим ящиком-рюкзаком, рассовывает купюры и мелочь по карманам.

Гоша (курьеру). Брат.

Тот смотрит на Гошу.

Гоша. Не тяжело тебе таскаться с такой ношей по городу?

Курьер. Бывает тяжело. День на день не приходится.

Гоша. А по деньгам, что получается? Хоть тыщу в день имеешь?

Курьер (усмехнувшись). Тыща. Ты смеёшься? Разве ж это деньги для Москвы. Меньше чем за две в день я не согласен бегать, как олень по всему городу.

Уходит.

Гоша разводит руками.

Гоша (Косте). Ты слышал? Две тыщи в день. Это сколько за месяц получается?

Костя. Если брать двадцать дней получится сорок тысяч, если двадцать два – сорок четыре.

Гоша. Ни фиги себе! А мы тут за копейки горбатимся. Слушай, давай посмотрим объявления по работе в Москве.

Костя. Где? Надо выходить из больницы, идти в газетный киоск.

Гоша. А телефон у тебя на что? Есть же интернет.

Костя. Верно.

Копошата в телефонах.

Гоша. Смотри, риелтор зарплата до ста тысяч. Можно без опыта работы.

Костя. А вот, торговый представитель – шестьдесят тысяч, тоже не хило.

Гоша. Торговый представитель, что это такое?

Костя. Понятия не имею.

Гоша. Надо будет позвонить по этим объявлениям.

Костя. Ты, серьёзно, хочешь задвинуть эту работу?

Гоша. А что, у тебя на ней сошёл клином весь свет? Это Москва. Здесь надо пробовать силы, рисковать, ловить удачу.

Костя. Там надо каждый день выходить на работу. Придётся селиться в Москве.

Гоша. Что делать? Снимем комнату или квартиру.

Костя. Я боюсь, что у нас ничего не получится.

Гоша. Надо верить в себя, тогда точно получится.

Охранники снова погружаются каждый в свой телефон.

Из двери в стене фойе выходит Федосеич, садится на стул.

Федосеич. Ну и денёк сегодня. Всем резко что-то понадобилось от меня. То это им подавай, то то. Сумасшедший дом. Я же не волшебник им.

Костя. Тяжёлая у тебя работа.

Федосеич. Нервная.

Гоша. А сегодня депутат был известный Грезин. Ты слышал такого?

Федосеич. Что-то где-то слышал. Чего он хотел?

Костя. Сказал, что сделает нас своими помощниками.

Федосеич. Наврал.

Гоша. Почему?

Федосеич. Работа у него такая. Этих известных тут много шастает. Чай Москва тут, а не деревня. Давеча вот был

один артист известный, фамилию запамятовал. Привезли его с ночного клуба избитого, под препаратами запрещёнными. Еле откачали его – сердце у дурака едва не остановилось. А я как увидел это чудо, так чуть не обомлел: в лосинах, губы покрашены синей помадой. Так он только очухался начал лапать наших медсестёр, к доктору Иванову в штаны залез. Пришлось полицию вызывать, дабы уgomонить подлеца.

Костя. Дела.

Федосеич. А ты думал.

Гоша. Федосеич?

Федосеич. Ну?

Гоша. Такой вопрос. Мы тут с курьером одним пообщались. Он сказал, что больше двух штук имеет в день. Такое возможно?

Федосеич. Почему нет?

Гоша. Может и нам податься в курьеры или куда ещё?

Федосеич. Это возможно, но тяжёлая это работа, дрянная. Надолго вас не хватит. Ноги сотрёте.

Костя. А, если пойти в риелторы к примеру?

Федосеич. А осилите?

Гоша. Это трудно?

Федосеич. Ни столько трудно, сколько мозги надо иметь хорошо закрученные для такого дела. Я бы, к примеру, не смог.

Гоша. Там пишут, есть обучение.

Федосеич. Раз пишут, значит так и есть. Попробуйте ва-

ше дело молодое – все дороги вам открыты, вся жизнь у вас впереди. Почему бы не попробовать. Ладно, нет времени больше с вами лясы точить. Работать надо.

Уходит.

Выходит обратно с большой сумкой, останавливается у охранников, достаёт из сумки два пакета и кладёт на стол.

Федосеич. Это вам гречка.

Гоша. Спасибо, Федосеич.

Федосеич. Своих надо поддерживать и подкармливать.
Покедова.

Пауза.

Костя. Вот и ещё один день прошёл. Дни летят тут быстро, только спать хочется.

Гоша. Верно. Пошёл я закрывать дверь.

Гаснет свет.

Свет загорается. Заспанные охранники выползают из комнаты охраны. Костя с трудом продирает глаза, садится за стол, откидывает голову назад и снова засыпает. Гоша копошится, зевая в своём телефоне, сидя рядом на стуле.

Справа выходит женщина с яркой косметикой на лице. Видно, что ей уже немало лет. Зовут её Берта Григорьевна. Она игриво проходит через вертушку. Костя так и не просыпается. Гоша лениво следит за ней. Берта проходит вертушку, останавливается, заходит сзади к Косте, закрывает ему ладошками глаза.

Костя. Гоша ты идиот? Что за шутки?

Берта улыбается.

Костя. Отпусти, говорю.

Вырывается. Видит Берту, вскакивает со стула.

Костя. Вы кто?

Берта. Твоя судьба.

Костя. В смысле?

Берта. Мальчик то по ходу совсем тёпленький. Не бойся, сядь.

Костя садится обратно нерешительно на стул. Берта треплет его щёку.

Берта. Ты хочешь, чтобы сбылись все твои самые смелые мечты, мальчик мой?

Костя. Конечно.

Берта. Умничка. Я это сделаю. Я буду твоей волшебной палочкой. Вернее волшебная палочка находится у тебя, а у меня, как это лучше назвать, не знаю. Называй, как хочешь.

Костя. Что я должен делать?

Берта. Совсем дурачок. Из деревни видно совсем далёкой.

Костя. Сто пятьдесят восемь километров от Москвы.

Берта. Это заметно. Ладно, будешь умницей, приходи вечером ко мне на пятый этаж на палочку чая. Я заведующая гастроэнтерологическим отделением Берта Григорьевна. Запомнил адрес?

Костя (дрожащим голосом). Да.

Берта уходит в проход в стене фойе.

Гоша делает глубокий выдох.

Гоша. Парень да тебе выпал настоящий шанс. Ты будешь москвичом.

Костя. Сколько ей лет.

Гоша. Лет шестьдесят пять.

Костя. Мне кажется больше.

Гоша. Ты пойдёшь к ней?

Костя. Я? Нет! Я столько не выпью!

Гоша. Ты же можешь и себя и меня потом вытащить в люди.

Костя. Нет уж, давай как-нибудь другими путями.

Пауза.

Охранники сидят, погружившись, каждый в свои мысли.

Костя. Теперь ты понял чего мы стоим в этой Москве?

Гоша. Да.

Из двери в стене в фойе выходит больной в больничном халате, идёт к вертушке, останавливается у поста.

Больной. Это дурдом и маразм какой-то – во всей больнице нет нигде туалетной бумаги, пришлось использовать салфетки. Я буду жаловаться!

Больной проходит вертушку.

Костя. Вы куда?

Больной. Я? А это. Я покурить во двор.

Пауза.

Из двери в стене фойе выходит эффектная медсестра в белом халате Анфиса. Она подходит к Гоше. Тот с удивле-

нием отрывается от своего телефона.

Анфиса. Привет.

Гоша (с недоумением). Здорово.

Анфиса. Ты новенький? Я тебя раньше тут не видела.

Гоша. Типа того.

Анфиса. Отойдём в сторону, поговорим?

Гоша. Ага.

Отходят в сторону. Костя с удивлением наблюдает за ними.

Анфиса. Я сразу заметила, что ты парень непростой, не промах, не лошок.

Гоша (улыбаясь). Это все отмечают.

Анфиса. Меня Анфиса зовут.

Гоша. А меня Гоша.

Анфиса. У тебя тут, какие планы? Будешь в охране работать?

Гоша. Да это временно. Это только стартовая площадка.

Анфиса. А потом что?

Гоша. Потом устраююсь риелтором или открою свой бизнес.

Анфиса. Уважаю.

Гоша. А у тебя парень есть?

Анфиса. Пока нет. В поиске.

Гоша. Здорово.

Анфиса. Да одной тоже неплохо.

Гоша. Я не это имел в виду. Ты мне нравишься.

Анфиса. Я же старше тебя лет на шесть.

Гоша. Сколько тебе?

Анфиса. Двадцать шесть.

Гоша. А мне двадцать два. Так что это фигня, а не разница.

Анфиса. Поматросишь и бросишь небось? Как в своей деревне перетоптал наверно всех девок?

Гоша. Да ты что? Я не такой. Я люблю, когда всё серьёзно.

Анфиса. Надо же и я.

Гоша. Давай я приду к тебе на пост ночью.

Анфиса. Так быстро только шлюхи дают. Не согласен?

Гоша. Согласен.

Анфиса. Давай сначала подружим какое-то время, чтобы было всё по-человечески, а не как в мире животных.

Гоша. Это ты очень верно говоришь.

Анфиса. И у меня к тебе просьба будет. Выручишь?

Гоша. Конечно.

Анфиса. Поднимешься ко мне на четвёртый этаж, я тебе дам сумку, а ты её тут передашь одному небритому мужчине в коричневой куртке.

Гоша. Хорошо.

Анфиса. Я пошла. А ты классный.

Уходит в дверь в стене фойе.

Гоша ошарашенный садится на стул.

Костя. Ты чего такой чудной?

Гоша. Ты видел?

Костя. Чего?

Гоша. Она влюбилась.

Костя. В тебя-то?

Гоша. Не в тебя же.

Костя. Как-то это очень просто.

Гоша. Сам офигеваю.

Костя. И что у вас что-то намечается уже?

Гоша. А ты как думал, но не всё сразу и быстро. Она очень умная девочка. Анфиса.

Костя. Такое смешное имя.

Гоша. Сам ты смешной.

Костя. А она москвичка или лимита?

Гоша. Блин, забыл спросить, вот я осёл. Может быть, и лимита.

Пауза.

Звонит телефон на столе. Костя поднимает трубку.

Костя. Охрана. (Гоше) Тебя.

Гоша подходит к столу, берёт трубку.

Гоша. Да? Иду.

Уходит в дверь в стене фойе. Выходит оттуда с сумкой.

Справа выходит небритый мужчина в коричневой куртке. Гоша отдаёт ему сумку. Небритый уходит. Гоша садится на стул.

Из двери в стене фойе выходит Федосеич и садится на стул.

Федосеич. Фу-фу-х. Среда – недели середина, прошла,

ну и ладно. Устали, парни?

Гоша. Так.

Костя. Непонятно как-то.

Федосеич. Ничего. Молодые. Выдержите. Вот раньше были моменты, впахивали мы будь здоров. Было время.

Костя. Федосеич, вот ты умный человек, скажи, есть ли в этой жизни счастье?

Федосеич. Конечно.

Костя. И в чём оно?

Федосеич. Да ни в чём – оно либо есть, либо его нет.

Костя. Вот ты счастливый человек?

Федосеич. А то.

Костя. В чём же оно всё-таки выражается?

Федосеич. Я же ясно втолковываю тебе, что ни в чём. Ты раскинь мозгами, откуда берутся несчастные людишки?

Костя. Поясни.

Федосеич. Всё очень просто. Одни хотят стать Наполеонами, да кишка на это дело тонка. Другие завидуют кому ни попадя: у одного соседа жена краше, у второго кошель толще. Отсюда вывод – не лезь туда, куда не надо и не завидуй; радуйся тому, что имеешь и можешь поиметь.

Гоша. Уж больно просты у тебя истины, Федосеич.

Федосеич. Так всё правильное легко и просто.

Уходит в дверь в стене фойе.

Выходит оттуда с полной сумкой. Останавливается у стола охранников. Достает из сумки два куска хозяйственного

мыла. Кладёт мыло на стол.

Федосеич. Это вам, мальчики. От всего сердца. Покедова.

Уходит.

Охранники зевают, потягиваются.

Гоша. Как думаешь, что было в сумке Анфисы?

Костя. Леший его знает.

Гоша. Может крупа?

Костя. Вряд ли.

Гоша. Что же?

Костя. Мука.

Гоша. Ладно, давай закрывать двери.

Идёт влево.

Гаснет свет.

Действие третье

Декорации те же, что и во втором действии и ещё справа появляется дерево со скамейкой под ним.

Включается свет.

Охранники просыпаются, выходят из комнаты охраны, зевают, потягиваются.

Костя. Скорей бы домой уже, выспаться, наконец, как полагается.

Гоша. Ты дрых десять часов и не выспался?

Костя. Ни хрена.

Рассаживаются по местам: Гоша за стол, Костя на стул

около комнаты охраны. Зевают, утыкаются в свои телефоны. Звонит телефон на столе. Гоша берёт трубку.

Гоша. Да. На месте. Нет, никаких происшествий. Всё спокойно. На месте.

Кладёт трубку.

Костя. Кто это?

Гоша. Гуров. Начальник наш.

Костя. Что ему надо псу?

Гоша. Известно чего, проверяет, не напились ли, не на-косячили ли?

Костя. Мог бы приехать посмотреть своими всё глазами.

Гоша. У него таких, как мы, наверно, миллион.

Костя. Думаешь?

Гоша. Скорее всего.

Справа выходит и идёт к охранникам мужчина с усами. Он одет в пятнистую военную куртку и тренировочные штаны с оттянутыми коленками. На погонах крутки тёмные следы от большой майорской звезды. Этого мужчину зовут Громов Иван Иванович.

Охранники несколько заволновались.

Громов. Равняйся!

Охранники вздрогнули.

Громов. Смирно. Вольно.

Громов подходит к столу к Гоше.

Громов. Здорово пехота. Иль не угадал? Вижу, что не нашенские, не десантники.

Гоша. Я служил в автобате.

Костя. А я в железнодорожных войсках.

Громов. Я так и понял. Совсем мало осталось наших братьев, боевых товарищей. Все только и норовят пристроиться поближе к кухне или штабу. А воевать, кто будет! (громко) Кто будет родину защищать! (громко) Пушкин?

Гоша. Ты, милчеловек, не шуми тут. А то нас заставят тебя утихомирить.

Громов. А вы знаете, кто я?!

Костя. Кто?

Громов. Громов Иван Иванович. Неужели не слышали? Телевизор не смотрели?

Гоша. Не припомню такого.

Громов. Про меня два документальных фильма сняли: один русский, другой канадский.

Гоша. Про что фильм?

Громов. Про то, как я один неделю в горах бился с душманами, отбил двенадцать атак в Афганистане. Один!

Костя. У вас и орден есть?

Громов. У меня херова туча этих орденов и медалей. Только не ношу я их. Ненавижу, когда люди хвастаются этими бирюльками. Мы что за эти цацки, что ли бились? Нет! Мы родину защищали. Родину!

Садится на стул рядом с Костей.

Громов. Кругом одни предатели и трусы. Ненавижу.

Костя. Я тоже хотел попасть в горячую точку, но тогда

войны никакой не было.

Громов. Да я не на вас злюсь, пацаны. Вы то, в чём виноваты? Я на этих, которые не чтут, не помнят.

Машет кулаком вверх.

Громов. Подонки.

Гоша. Вы в Афгане воевали?

Громов. Где я только не воевал. В Афгане, Анголе, Чечне, Тунисе.

Костя. Тунисе?

Гоша. Разве Россия воевала с Тунисом?

Громов. А ты чего думал? Про все войны рассказывают по телевизору? Святая простота. Есть такие секретные войны, про которые простому народу знать не следует.

Гоша. Вы видать много подвигов совершили?

Громов. Совершил. И что? Думаете, я горжусь этим, хваюсь на каждом углу. Я ещё не всё рассказываю, что повидал да испытал. Ненавижу болтунов и хвастунов.

Костя. Нам-то расскажите про какой-нибудь подвиг.

Громов. Не проболтаетесь?

Костя. Нет.

Гоша. Зуб даю.

Громов. Так и быть. Это было в Анголе. Два дня мы бились в джунглях с американскими прихвостнями втроём против роты головорезов. Один наш товарищ погиб, истёк кровью, другого тяжело ранили. Я один остался цел. Мы и заблудились. Я ориентировался по солнцу, когда искал до-

рогу к своим, но вышел в итоге в пустыню, а не к городу, как должно было быть. Делать нечего, бредём по пустыне на север к своим. И так наткнулись на шахту. Я влез в неё, а там бомба. Атомная.

Костя. В Анголе?

Громов. В Анголе. Представляете, враги уже поставили атомную бомбу в пустыне.

Гоша. Может быть это наши её поставили?

Громов. Нет, не наши. На ней были знаки.

Костя. Знаки?

Громов. Да звезда Давида. О шестью концами.

Гоша. Ни фиги себе.

Костя. И?

Громов. Что и? Надо было дело делать – обезвреживать оружие противника.

Костя. Как?

Громов. Гранату я кинул в шахту, а сам прыг в канаву к больному своему товарищу.

Костя. Рвануло?

Громов. А ты, как думал. Ещё как.

Гоша. И гриб был ядерный?

Громов. Не очень больших размеров, высотой метров в сто.

Гоша. И вас радиацией не задело?

Громов. Зацепило мальчика, да я отпивался потом спиртом два года, так и извёл её всю радиацию.

Костя. Странно, что я ничего не слышал про ядерный взрыв в Анголе. В учебниках про это, кажись, ничего не писали.

Громов. Это дело понятное, кому нужно было тогда раздувать международный скандал. Я пойду, братцы.

Встаёт.

Гоша. Вы идите, хоть сейчас и не положено, потому что тихий час. Мы ветеранов чтим и уважаем.

Громов. А вот это, ребят, правильно. Так и надо. Если бы все были такие, как вы, мы бы, мы бы.

Размахивает кулаком, смахивает слезу.

Громов. Мы бы весь мир раком поставили и заставили всех нас уважать и работать на нас бесплатно.

Уходит.

Костя. Он и, правда, герой?

Гоша. Видимо.

Пауза.

Костя. Гош, слушай, я тут подумал о мечте.

Гоша. О чём?

Костя. О мечте. Мы же мечтаем время от времени о чём-то.

Гоша. Возможно.

Костя. И что же получается, у каждого человека свои особые мечты или все мечтают об одном и том же.

Гоша. Все денег много хотят и женщин хороших. Это, если о мужиках судить.

Костя. Я про деньги и не мечтаю.

Гоша. Ты особый случай. О чём же ты мечтаешь?

Костя. Хочу дом новый, сруб, чтоб пахло смолой и лесом в нём. Баню и мотороллер. И гусей хочу завести много.

Гоша. А женщины тебе не нужны?

Костя. Нужны. Точнее нужна. Такая, чтобы была попроще, не очень злая, чтобы детей любила.

Гоша. И в кровати огонь?

Костя. Не уверен. Такая может переметнуться и в чужую кровать.

Гоша. А ты, оказывается, бываешь мудр.

Костя. А ты о чём мечтаешь?

Гоша. Я же сказал.

Костя. Это в общих чертах, а в частности: есть же у тебя какие-то сокровенные мечты.

Гоша. Сокровенные? Такого нет. Мечтаю порой о всякой чуши.

Костя. Например?

Гоша. О доме в три или четыре этажа с бассейном во дворе с фиолетовой водой и пальмами. А из окон видно море. Представляешь, каково это жить у моря? Идёшь по набережной, а на тебя все классные тёлки заглядываются, желают с тобой познакомиться.

Костя. Они типа знают про твой дом?

Гоша. Ну да.

Костя. Сейчас бы на море. Интересно, какое оно?

Гоша. Как-нибудь съездим.

Пауза.

Из двери в стене фойе выходит Федосеич, садится на стул.

Федосеич. Ну, что хлопчики, настроение бодрое? Скоро домой отправитесь. Осталось немного потерпеть.

Костя. Да, нормально всё вроде, правда спать всё время хочется.

Гоша. И помывться.

Федосеич. Ну, с этим я вам ни чем не могу помочь.

Костя. А мы сегодня пообщались с интересным человеком.

Федосеич. Тут? С интересным? Не может быть.

Гоша. Он ветеран войны, воевал в Анголе и Тунисе.

Костя. И в Афганистане.

Федосеич. Это не Громов ли Ванька?

Костя. Кажется, Громов его фамилия, он говорил.

Гоша. Да, точно.

Федосеич смеётся.

Гоша. Ты, чего, Федосеич?

Федосеич. Да знаю я этого ветерана. Чудило местное. Юрод. Какой он к лешему ветеран. Сказочник. Он же белобилетник. Рассказывает небылицы про свои подвиги бабам, а те и развешивают уши – лохушки. Верят всем его сказкам. Бабы же они все в основном глупые, умные газеты редко читают и в войнах плохо разбираются. Он тут ходит к Машке поварихе, у которой поселился пару месяцев назад.

Костя. Что же он всё это выдумывает?

Федосеич. А ты, как думал?

Гоша. Мне он тоже показался каким-то подозрительным.

Федосеич. Чудак он тот ещё. Нигде не работает, халявщик, прилипала. Он живёт в нашем районе. Я его часто вижу. Над ним все уже хохочут, а плакать надо, на самом деле. Сестра и мамаша его не знают, что с ним делать. Последний раз он работал лет семь назад не то грузчиком, не то почтальоном. А в армии он никогда не служил – белобилетник.

Костя. Обманщик.

Федосеич. Не. Просто придурок.

Гоша. И как ему всё это сходит с рук?

Федосеич. А кому охота возиться с блаженным.

Костя. Федосеич, скажи, у тебя мечта есть какая-нибудь?

Федосеич. Мечты – это для блажененьких и слабеньких, а я живу в реальном мире.

Костя. И всё-равно, бывает же так, что ты хочешь чего-то такого, чего у тебя нет.

Федосеич задумывается.

Федосеич. Чего мне хотеть-то? Разве, что бесплатный абонемент в баню да возможность закатывать банкет в ресторане пару раз в месяц человек на тридцать. И ещё, я бы машину купил, большую, дорогую, такую, чтобы, увидев меня в ней сосед Валентин и соседка Егоровна повесились бы от зависти.

Гоша. И почему ты всего этого не достиг, ты же умный?

Федосеич. Видать не такой уж я умный, как хотелось бы.

Уходит.

Пауза.

Федосеич выходит из двери в стене фойе с большой сумкой в руке, останавливается у охранников, достаёт из нагрудного кармана куртки авторучку, протягивает Гоше.

Федосеич. Это вам. Одна на двоих.

Уходит.

Пауза.

Костя. Закрываем.

Гаснет свет.

Загорается свет. Гоша выходит из комнаты охраны, садится за стол. За ним следует Костя, садится на стул и снова засыпает. Гоша возится в своём телефоне.

Справа выходит и идёт к охранникам девушка Катя с двумя пакетами, останавливается у стола, за которым сидит Гоша.

Катя. Здравствуйте, я к маме пришла.

Гоша. Проходите, только там возьмите бахилы и разденьтесь в гардеробной.

Катя. Ой, а вы, может быть, голодные.

Гоша пожимает плечами. Костя просыпается.

Катя. Я могу вас угостить пирожками и ещё у меня есть яблоки – настоящие домашние.

Достаёт пироги и яблоки, выкладывает на стол.

Гоша. Как-то неудобно. Вашей маме ничего не останется.

Катя. Да вы не беспокойтесь. Ей будет достаточно. Тут хорошо кормят.

Гоша. Спасибо.

Катя. Вы видно храбрый и сильный. В армии наверно служили где-нибудь в спецназе или десантных войсках.

Гоша. Ну, нет. В обычных войсках.

Катя. И хорошо. Мужчина должен отслужить в армии.

Гоша. А вы как будто и не из Москвы.

Катя. Я из Белгорода, точнее из Белгородской области.

Гоша. Мы тоже неместные.

Катя. Мы с мамой тут в магазине работаем и комнату снимаем.

Гоша. Давно уже?

Катя. Почти что год.

Гоша. Давно. Для нас это давно. Мы только начинаем в Москве.

Катя. Ну, ничего, привыкните. Я пойду.

Гоша. Идите. Большое спасибо вам за пироги и яблоки. Кстати, как вас зовут?

Катя. Катя.

Гоша. А меня Гоша.

Катя уходит в дверь фойе. Охранники едят пироги.

Костя. Славная она.

Гоша. Ты тоже заметил?

Костя. Ага. Только ей ты понравился, к сожалению, а не я.

Гоша. Не фиг было там дрыхнуть.

Костя. Я проснулся, когда она пришла.

Гоша. Хорошая девочка, неиспорченная. Да у меня ж любовь с Анфисой. Завтра выходит на дежурство моя ненаглядная.

Костя. А ты тут лясы точишь с посетительницами.

Гоша. Она сама со мной заигрывала.

Костя. У тебя, что с Анфиской всё серьёзно?

Гоша. Ещё бы. Ты видел, как она смотрит на меня? Хочет, чтобы я поскорее её оттарабанил, как полагается, по-взрослому. Ей мужик хороший нужен стойкий, крепкий.

Костя. Ты, когда практиковался в этом деле последний раз?

Гоша. К чему ты это спросил?

Костя. Так.

Гоша. Я не помню. И что?

Костя. Не заводись. Просто волнуюсь за тебя.

Гоша. Всё у нас получится. А Анфиска девчонка не промах. Огонь. Ты видел?

Костя. Видел.

Гоша. Я хоть и не очень хочу детей, но с Анфиской их у нас будет двое.

Костя. Почему двое?

Гоша. Можно было бы и больше. Это для того, чтобы она не вздумала от меня сбежать. Кому она на фиг будет нужна с двумя спиногрызами.

Охранники погружаются в свои телефоны, вздыхают.

Пауза.

Костя. О чём мы только уже не поговорили.

Гоша. К чему ты это?

Костя. Устал от этого уже интернета. У меня трафик уже истекает.

Гоша. Я ещё со вчерашнего дня в минус ушёл.

Костя. Об чём бы ещё поговорить?

Гоша. О бабах.

Костя. Надоело уже.

Гоша. Согласен.

Костя. Надо о том, о чём ещё не говорили. О чём-нибудь таком необычном.

Гоша. У тебя уже крыша едет, друг, от такой работы.

Костя. Вот. Придумал. Ты, чтобы делал, если б стал президентом?

Гоша. Что за фигня? Я никогда не буду президентом.

Костя. А, если бы так случилось. Давай пофантазируем.

Гоша. Ну, для начала женился бы на самой красивой и популярной киноактрисе.

Костя. Нашей или ненашей?

Гоша думает.

Гоша. Пусть будет наша.

Костя. А дальше?

Гоша. Дальше? Провёл бы реформы.

Костя. Какие?

Гоша. Ну, поднял бы пенсии пенсионерам, провёл бы дороги в Сибирь и Дальний Восток. Отправил бы космические корабли покорять Вселенную. Столицу бы перенёс в нашу деревню.

Костя. Здорово, я бы до такого не додумался никогда. А я бы. Я? Я бы велел поднимать деревню. Издал указ, чтобы вновь начали возрождать колхозы и совхозы. Тем, кто из города переехал бы в деревню давал бы по миллиону.

Гоша смеётся.

Гоша. Ну, ты, брат и фантазёр однако. А кто бы тогда в городе остался?

Костя. А на кой ляд они вообще нужны эти города?

Гоша. Действительно. А Академии всякие там, институты. В них народ съезжается со всей страны. Эти как их там, умные головы.

Костя. Для учёбы никуда съезжаться не надо будет. Учёба будет проходить по интернету.

Гоша. А ты голова. Мыслишь глобально, государственно. Пауза.

Из двери в стене фойе выходит Федосеич. Гоша улыбается, смотрит на него.

Федосеич. Ты чего лыбишься?

Гоша. Федосеич, ты бы чего делал, если бы стал президентом?

Федосеич. А вы я гляжу, ребятки, совсем заработались.

Гоша. Есть мальца.

Федосеич. Да не мальчика.

Гоша. А всё-таки?

Федосеич. Я? Президент? (Смеётся) Шутка это. Не нужно мне это.

Костя. Почему же?

Федосеич. Потому что я не хочу в тюрьму. Или на плаху.

Костя. Как это? Почему так?

Федосеич. Подрастёшь – поймёшь.

Уходит.

Пауза.

Возвращается Федосеич с небольшим целлофановым пакетом, садится на стул рядом с Гошей.

Федосеич. А вы ребята, как будто, совсем, как нерусские.

Гоша. Это почему?

Федосеич. Который день вы уже тут ошиваетесь?

Гоша. Пятый.

Федосеич. А проставляться на новом месте вас не учили что ли отцы и деды?

Костя. Мы бы рады, да у нас денег нет и бутылки нет.

Федосеич. Эх, молодёжь, молодёжь, всё за вас приходится решать.

Достаёт из пакета початую бутылку коньяка и пару конфет.

Гоша. Что прямо здесь?

Федосеич. Давай, по-быстрому пока никто не видит.

Костя идёт в комнату охраны, возвращается с тремя круж-

ками, ставит их на стол.

Федосеич разливает из бутылки по кружкам.

Федосеич. Давайте. За прописку. Чтобы легко и приятно работалось на новом месте, и ничего вам за это не было.

Охранники смотрят на завхоза.

Федосеич. Вы первые.

Охранники выпивают, теряют сознание и роняют головы на стол. Федосеич выливает содержимое кружки в угол, убирает бутылку и конфеты обратно в пакет. Уходит в дверь в стене фойе.

Пауза.

Федосеич выходит из двери в стене фойе. В одной руке его перфоратор, в другой пакет. Уходит.

Гаснет свет.

Свет загорается.

Костя и Гоша ходят около комнаты охраны, потягиваются, зевают.

Гоша. Суббота. Наконец. Скоро домой.

Костя. Скорей бы.

Рассаживаются на стулья. Костя садится за стол.

Гоша. А мне тут нравится – тепло и мухи не кусают.

Костя. И кормят бесплатно.

Гоша. Ты забыл?

Костя. Чего?

Гоша. Что вчера было? Мы же отрубились после коньяка Федосеича.

Костя. И проспали столько времени. Смотри, дверь была не заперта всю ночь. Нас уволят?

Гоша. Раз ещё не уволили – кажись, пронесло. Федосеич гад.

Костя. Мне, кажется, он подсыпал что-то в коньяк. Но зачем?

Гоша. Я поговорю с ним, как он появится. Мутный он какой-то.

Костя. И хитрый. Берта!

Убегает в комнату охраны.

Заходит Берта, оглядывается по сторонам. Гоша садится на место Кости. Берта уходит в дверь в стене фойе.

Костя выходит из комнаты охраны, садится на стул.

Слева выходит Анфиса, идёт к вертушке, проходит её. Ей перегородивает путь Гоша.

Гоша. Привет.

Анфиса. Привет. Ты мне сегодня понадобишься.

Гоша. Я готов хоть сейчас.

Анфиса. Пока рано.

Отходят в сторону.

Гоша. Я так скучал по тебе.

Анфиса. Ты с ума сошёл. Я тебя не достойна.

Гоша. Чего? Ты самая, самая. Я таких больше нигде не встречал.

Анфиса. Не говори глупостей.

Гоша. Я думал о нас с тобой.

Анфиса. Даже так. И что надумал?

Гоша. Всё у нас получится. У нас будет двое детей: девочка и мальчик.

Анфиса. Ты меня пугаешь. Я боюсь материнства.

Гоша. Это поначалу страшно, а потом легче будет.

Анфиса. Ты так говоришь, как будто рожал.

Гоша. Я приду к тебе вечером.

Анфиса. Не надо. Нас могут заметить и меня выгонят.

Гоша. Когда же мы сможем уединиться вместе? Я горю от нетерпения.

Анфиса. Я дам знать.

Гоша. Это долго?

Анфиса. Не думаю. Я побежала. А то меня будут искать. Уходит быстрым шагом в дверь в стене фойе.

Гоша и Костя рассаживаются по стульям. Они увлечены своими телефонами.

Слева выбегает молодой человек Кирилл, подбегает к вертушке.

Кирилл. Помогите! Спрячьте меня куда-нибудь!

Гоша и Костя смотрят друг на друга.

Костя. Давай, беги в нашу комнату, забирайся там под кровать.

Кирилл так и поступает, скрывается в комнате охраны.

Слева выбегают два здоровяка.

Первый здоровяк. Вы не видели пацана?

Гоша. Нет.

Второй здоровяк. Такой щуплый. Блондин.

Костя. Нет.

Первый здоровяк. Смотрите. Если обманули – накажем.

Второй здоровяк. Жестоко накажем.

Гоша. Зачем нам вас обманывать?

Здоровяки уходят.

Кирилл выползает из комнаты охраны.

Костя. Ты кто?

Кирилл. Меня зовут Кирилл.

Гоша. Чего они от тебя хотели?

Кирилл. Известно чего – избить, наказать, на бабки поставить.

Костя. За что?

Кирилл. Я на стройке работал, на установке системы отопления. Я сказался большим специалистом в этом деле, а в действительности ничего ни шиша в этом не понимал. Вот и повредил со своим напарником Лёхой материалу на двести тысяч рублей.

Гоша. Ни фиги себе! Такие деньжищи! Тебе ж никогда не расплатиться теперь.

Кирилл. Я и не собирался расплачиваться. Я что лох что ли?

Костя. А что делать то будешь?

Кирилл. Россия большая, есть где спрятаться да найти работёнку и тёплую бабёнку.

Гоша. Рисковый ты парень, завидую тебе.

Кирилл. Не завидуй. Каждому своя судьба.

Гоша. А мы хотим попытаться судьбу тут в Москве.

Кирилл. Это как же?

Гоша. Ну, поищем профессию поинтересней, чем охрана.

Кирилл. Например?

Костя. Риелтор.

Кирилл смеётся.

Гоша. Ты чего?

Кирилл. Риелтор – херелтор. Это работа для умных. Мы колхозники для другого созданы для чёрной работы или воровства и вредительства.

Костя. Ты сам-то откуда будешь?

Кирилл. С Урюпинска.

Гоша. Того самого?

Кирилл. Другого не существует на этой планете. У вас есть водичка. Пить хочется так, что переночевать негде.

Гоша. Из-под крана.

Кирилл. Покатит. Валяй.

Гоша приносит Кириллу кружку с водой. Тот пьёт и уходит.

Звонит телефон на столе. Гоша поднимает трубку.

Гоша. Да, я здесь. Хорошо.

Уходит в дверь в стене в фойе. Выходит оттуда с сумкой, передаёт её небритому мужчине, вышедшему слева. Небритый забирает сумку и уходит.

Гоша садится за стол.

Костя. Фу-х. Остались одни сутки. И домой.

Гоша. Скорей бы.

Костя. Устал?

Гоша. Да нет, хочу договорить встретиться с Анфисой в выходные. Надо многое с ней обговорить и решить.

Костя. По поводу?

Гоша. По поводу нашей будущей совместной жизни. Где мы будем жить – снимать квартиру или я к ней подселюсь.

Костя. Ловок ты, брат.

Гоша. Не без этого. Надо ковать железо, пока горячо.

Костя зевает.

Костя. Вот и ещё один день прошёл.

Гаснет свет.

Загорается свет.

Охранники заспанные ходят, потягиваются, зевают.

Слева выходит мужчина с журналом в руке в серой курточке – Василий Михалыч.

Василий Михалыч. Привет, ребята. Вас работа не интересует – охрана большого торгового центра?

Костя. Мы не местные.

Василий Михалыч. Так это даже лучше.

Гоша. По деньгам, что у вас получается?

Василий Михалыч. От пятнадцати до тридцати тысяч рубликов.

Костя. А график?

Василий Михалыч. Подберём, какой захотите. Ну, что, скажите.

Смотрит на охранников.

Василий Михалыч. Вы подумайте, вот вам моя визитка с телефонами. Меня зовут Василий Михалыч.

Гоша берёт визитку, смотрит и кладёт в нагрудный карман кителя.

Василий Михалыч. Ну, я пошёл.

Уходит.

Слева выходит в голубом помятом пиджаке и джинсах майор Решетов и полицейский в форме. Решетов показывает открытое удостоверение охранникам.

Решетов. Майор Решетов старший оперуполномоченный.

У Решетова то и дело мотается голова и моргает один глаз.

Охранники напряглись, встали со стульев.

Решетов. Вы знаете Анфису Ромашкину?

Охранники побледнели.

Решетов. Что проглотили языки? Знаете, значит.

Охранники отрицательно мотают головами.

Гоша. Кто это?

Решетов. Медсестра.

Гоша. Что с ней случилось?

Решетов. Пока надеюсь ничего, но скоро случится.

Гоша. Что?

Решетов. Пойдёт по этапу девочка. Она похищала меди-

каменты с наркотическим действием из больницы. Возможно, у неё тут были сообщники. Кто это мог быть? У вас есть кто-нибудь на примете? Кто-то приходил к ней.

Испуганные охранники отрицательно мотают головами.

Слева выходит самодовольный Гуров.

Гуров. Это, что за делегация? Что-то случилось? ЧП в больнице. Почему мне не доложили?

Решетов. Старший оперуполномоченный майор Решетов. С кем имею честь общаться?

Гуров. Я Гуров Владимир Борисович – начальник чопы, охраняющего эту больницу.

Решетов. Плохо охраняете. У вас тут медикаменты воруют.

Гуров (на охранников строго). Вы что тут спите целыми днями или в телефонах торчите?!

Гоша. Нет.

Костя. Мы ничего такого не видели.

Гуров. Я их накажу по всей строгости.

Решетов. Мне нужны их данные и показания. (Полицейскому) Лейтенант, возьми у них паспорта и составь протокол допроса.

Гоша. У нас нет паспортов.

Решетов. То есть?

Гоша. Их забрал Владимир Борисыч.

Решетов. Это криминал. Наверняка на это есть статья. Надо погуглить в интернете.

Гуров. Какая статья?! Ты одурел, майор?! Знаешь, какие у меня есть связи там!

Показывает пальцем вверх.

Решетов. Отлично. Угроза при исполнении. Лейтенант, винти его. Может быть, он ещё принимал участие в похищении медикаментов. Что-то мне он совсем не нравится.

Лейтенант надевает наручники на руки Гурову.

Гуров. Вы за это ответите.

Решетов. Где паспорта парней?

Гуров. Во внутреннем кармане пиджака.

Решетов. Надо свидетелей позвать, чтобы зафиксировать изъятие.

Гаснет свет.

Свет загорается.

Пустая сцена.

Справа выходят Гоша и Костя. У Кости на шее висит связка с рулонами туалетной бумаге, в руке большая сумка. Парни садятся на скамейку под дерево.

Костя. Скорей бы поезд. Скорей отсюда умчаться подальше. Домой – там проще и легче. На фиг сдалась мне это Москва. В деревне всё просто и понятно, а тут один обман и подстава.

Гоша сидит удручённый.

Гоша. Нет. Я так не сдамся, не покорив столицы.

Костя. Ты что удумал, безумный?

Гоша. Я говорю, что не сдамся, значит, не сдамся. Я по-

кажу им, кто я, что я значу.

Костя. Тюрьмы не боишься?!

Гоша. Нет. Пойду я.

Костя. Куда? К этому, Василию Михалычу?

Гоша. Сначала к нему.

Уходит за дерево.

Возвращается. Делает широкий взмах рукой.

Гоша. А ну к лешему эту Москву! Едем домой.

Костя. Молодец, одумался. Вон и поезд уже скоро наш будет. Идём. Пущай тут пенсы наши дорабатывают дале, чай оклимались уже.